

УДК 338.24.021

Неконкурентные основания хозяйственной жизни общества и рыночная реформа в Российской Федерации

**Ведин Н.В.**

Доктор экономических наук, профессор кафедры теоретической экономики, инноваций и предпринимательства Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева

В статье содержится критический анализ традиционной конкурентно-рыночной картины мира, обосновывается идея двухуровневой структуры национальной экономики, включающей хозяйственный базис и конкурентно-рыночные отношения. В контексте неоднородности национальной экономики раскрывается фундаментальная несостоятельность стратегии рыночных реформ в РФ.

Ключевые слова: теория хозяйства, конкуренция, кооперация, рыночные реформы в РФ.

Чем дальше продвигается наука в познании окружающего мира, тем большее значение приобретает адекватность ее фундаментальных понятий и концептов. Условности и допущения, оправданные в истоках научного знания, кумулятивно нарастают, приводя со временем к существенным искажениям в научной картине мира. Так, малосущественное, с позиций прошлых столетий, отвлечение от кооперативных форм организации хозяйственной жизни входит в серьезный конфликт с современной экономической реальностью, которая не укладывается в рамки традиционных конкурентных представлений. Кооперативные эффекты глобальной экономики, проявляющиеся в перманентной и массовой инновационной активности, прогрессирующем усложнении экономических структур, нарастании неопределенности и противостоящей ей многоуровневой институционализации национального и мирового хозяйства, не поддаются объяснению с конкурентно-индивидуалистических позиций, игнорирующих фундаментальную

роль сотрудничества в хозяйственной эволюции общества.

Различные аспекты этих перемен находят отражение в потоке теоретических новаций, связанных с расширением предметной области исследований за счет информации, институтов, организаций, экологических и инновационных приоритетов. В значительной мере изыскания замыкаются на переосмыслении роли и места человека в системе общественного производства, что приводит к появлению новых моделей человека, альтернативных доминирующему пока человеку экономическому.

Конечно, сугубо утилитарный «человек экономический» уже основательно дискредитировал себя как в экономической науке, так и в хозяйственной практике. Но этот одиозный «максимизатор полезности» идеально интегрирован в теоретическую систему, представляющую экономическую реальность исключительно в конкурентно-рыночном свете. Отсекая человека от того многообразия общественных коммуникаций, которое и формирует его под-

линно человеческие, творческие свойства и проявления, наука получает далекую от реальности, но чрезвычайно удобную для построения функциональных моделей единицу анализа с заданными параметрами. И ни один другой вариант модели не может быть так же хорош для «основного течения», как этот.

Поэтому для модернизированных версий неоклассики, включая и неонституциональную теорию, рабочим инструментом остается модель экономического человека. Вносимые современными институционалистами коррективы в ортодоксальную неоклассическую теорию вряд ли можно квалифицировать как радикальные. Ведь главное в этом «субъекте» – вовсе не степень его рациональности, информированности или его способность к расчетам. Допущения ограниченной рациональности, склонности к институциональной адаптации или оппортунизму – всего лишь непринципиальная уступка исследователям давлению реальных проблем и потребностей современной хозяйственной практики. Действительно принципиальное значение имеет абстрагирование от реального хозяйственного процесса формирования мотивационных характеристик, деятельностных свойств человека и самих институциональных норм.

Смысл идеи ограничений, одной из центральных в современной теории, собственно, и заключается в том, чтобы уменьшить (или увеличить) количество принимаемых во внимание произвольно выбранных свойств человека до приемлемого для теории уровня. Результатом такого искусственного отбора и является замкнутый на себя в своем частном интересе, личностно равнодушный по отношению к другим субъектам и обществу в целом абстрактный индивид. Согласно М. Фридмену, нереалистичностью этого исходного абстракта можно пренебречь, коль скоро он позволяет «объяснить многое». Действительно, именно такой персонаж наиболее адекватен конкурентно-рыночной картине мира, основанной на противостоянии экономических «атомов». И трудно представить себе такую версию мейнстрима, которая поступилась бы индивидуалистическим принципом, оставаясь вместе с тем внутри этой экономической картины.

Но способна ли к самодвижению такая система, построенная, как отмечает И.К. Смирнов, на основе соотношения безразличных и равнодушных друг к другу объектов (в данном случае, абсолютно идентичных друг другу конкурентных единиц), образующих лишь внешнюю связь, механический порядок [1, с. 152]? Отрицательный ответ достаточно очевиден, поскольку внутренний источник движения здесь отсутствует. Однако факты говорят о том, что реальные экономические системы действительно демонстрируют способность к изменениям и развитию. Следовательно, в основе этого реального движения лежит иной, неконкурентный, тип связи, а действующие лица этой системы вовсе не являются отчужденными друг от друга экономическими атомами. Сообщества могут иметь разные масштабы и степень локализации, теоретически вплоть до глобальной экономики. Но в любом случае членов сообщества объединяет – с разной степенью осознания и способов реализации – общий хозяйственный интерес, что, в свою очередь, открывает их друг другу для взаимного обмена знаниями и умениями, ведущего к развитию их производительных свойств. Именно здесь *предположительно* происходит трансформация индивидуальных изменений в системное развитие.

Вместе с тем некоторое смещение исследовательского ракурса убеждает нас в том, что те же кооперированные субъекты одновременно существуют и в другой ипостаси – в качестве своекорыстных индивидов, отношения между которыми опосредствованы вещами. Однако абсолютизация данного ракурса и безразличие к основополагающему типу взаимодействий искажает действительную картину хозяйственной жизни и делает соответствующую теоретическую систему неистинной.

Доказательную силу предлагаемая нами гипотетическая модель приобретает лишь в том случае, если исследованию удастся выразить присущее ей исходное противоречие в развернутой теоретической форме. Средства диалектической логики позволяют, на наш взгляд, правильно поставить проблему такого развертывания. Возвращаясь к упомянутой уже методологически насыщенной работе известного российского экономиста, «движение организма

есть возникновение, рождение частей (органов) из некоторого вначале недифференцированного целого...» [1, с. 153]. И.К. Смирнов настаивает на трактовке этого «недифференцированного целого» как «экономической клеточки», что, в принципе, не вызывает возражений. Вопрос, однако, заключается в том, как интерпретировать в терминах экономической теории это отсутствие внутренней дифференцированности «неразвитого целого»?

«Внутренняя недифференцированность» – парафраз бесструктурности, что означает отсутствие внутреннего источника развития данной «неразвитой» формы. Естественно, это делает невозможным и анализ этого «целого» на предмет его исторического и логического развития в хозяйственный организм. Как мы полагаем, проблема решается лишь в том случае, если свойство «недифференцированности» фиксируется не в качестве абсолютного, но по отношению к развитой системе, уже имеющей *двухуровневую* структуру. В этих границах исходная форма как бы растворяется во всем многообразии определений развитого организма, становясь в этом смысле «неуловимой» для исследования. Тогда бесструктурное в одном отношении, – применительно к развитой системе, – в другом отношении, применительно к *генезису системы*, представляет собой вполне структурированную, относительно самостоятельную целостность. Характерной чертой этой целостности является ее самодостаточность, подразумевающая, с одной стороны, отсутствие какого-либо иного типа межличностных экономических взаимодействий, а с другой – наличие механизмов, порождающих в процессе ее генезиса иную, *конкурентную форму связи*.

Тем самым мы утверждаем, что исходная форма (назовем ее «хозяйством») теоретически может существовать без того, чтобы существовал «рынок» и соответствующие ему конкурентные отношения. Рынок же не обладает такой возможностью. Он порождается *хозяйственной эволюцией* и опосредствуется присущими хозяйству отношениями сотрудничества. Отсюда не следует, что конкурентно-рыночный «слой» экономической системы не имеет относительно самостоятельного значения в качестве объекта исследования. Трудно было бы преувеличить

его значение для функционирования и развития национального хозяйства. Однако благотворность конкурентных сил обусловлена не самой конкуренцией, но разнообразными формами и методами (в том числе институциональными) ее хозяйственной детерминации. Инициированный неумелыми действиями государства или какими-то иными факторами распад *хозяйства* и имманентных ему отношений сотрудничества приводит к вырождению конкуренции в «войну всех против всех», к дезинтеграции национальной экономики. Вместе с тем государственная монополия на предпринимательскую деятельность, блокирующая действие конкурентных сил, имеет своим следствием вырождение сотрудничества в тоталитарную систему личной зависимости, не имеющую эффективных стимулов развития.

Понятие «хозяйство» как таковое не имеет в экономической науке сколько-нибудь строгого определения, хотя оно достаточно широко используется представителями различных научных школ (особенно исторической школой) и направлений, развернутый критический анализ которых по понятным причинам выходит за рамки данной статьи. Но можно выделить понятийный диапазон, дающий некоторое представление о содержании данной категории. Последняя ассоциируется либо с архаическим натуральным (патриархальным, крестьянским) хозяйством, либо отождествляется с национальной, а в предельном случае – мировой, глобальной экономикой. Но этимологически термин «хозяйство» заметно смещается в направлении своего натурального, архаического прототипа. Кроме того, понятие *хозяйствования* содержит важный смысловой признак управляемости всеми компонентами коллективного производства в интересах целого.

Что касается натурального хозяйства, то в науке сложилось стойкое убеждение в его простоте и прозрачности, если не примитивности, по сравнению с рыночной системой. Традиционно основные усилия научного сообщества направлены на проблематику рыночных отношений, на которые только и распространяется статус объективного экономического механизма, приводимого в движение частным интересом индивидов. Подавляющее большинство западных

исследователей, работающих в конкурентно-индивидуалистической парадигме мейнстрима, вообще не рассматривает непосредственно-общественное хозяйство как экономическую форму, относя его к типу традиционной организации, где поведение человека регулируется не принципом экономической рациональности и конкуренцией, а обычаями, традициями и властными субъектами. И хотя наиболее откровенно равнодушные к проблематике натурального хозяйства проявляла либеральная наука, но и классическая политическая экономия не демонстрировала большой приверженности к ее разработке, учитывая ее предметную направленность на исследование товарно-капиталистического хозяйства. Тем не менее в трудах Маркса содержатся по этому поводу многочисленные высказывания, которые можно отнести не только к архаической специфике данного явления (например, отношения личной зависимости, консервативность технического базиса и т.д.), но и к конституирующим чертам хозяйства как *всеобщей экономической формы*. Речь идет о таких моментах, как нетоварная форма продукта, кооперация «в труде для *общих интересов* (воображаемых и действительных), обеспечивающем сохранность союза вовне и внутри» [2, с. 473], о коллективности как основе такого хозяйства, о присутствии коллективному производству «обмене деятельностью» [2, с. 118] и т.д.

Строго говоря, понятия «хозяйство» и «натуральное хозяйство» близки друг к другу не только этимологически, но и содержательно. Понятие натурального хозяйства вполне адекватно отражает любую относительно обособленную экономическую общность, которая предполагает объективную заинтересованность его участников в создании и увеличении совокупного продукта, который в тех или иных пропорциях входит в потребление индивидов.

Под *хозяйством* мы подразумеваем понятие, выражающее специфическую целостность любого, относительно автономного, основанного на сотрудничестве и общем интересе, экономического образования, главное предназначение которого сводится к воспроизводству материальных и духовных условий существования и развития составляющих его индивидов и сообщ-

ества в целом. Эту целостность нельзя рассматривать как результат действия «невидимой руки» рынка. Напротив, конкурентно-рыночная активность индивидов имеет своей основой их интеллектуальную и мотивационную погруженность в общехозяйственное пространство, «оснащенное» общей информационно-коммуникативной, образовательной и институциональной средой. Мы, следовательно, не отказываемся и от традиционного понимания хозяйства в широком смысле, включающего всю совокупность отношений и регуляторов в национальной экономике, но настаиваем на признании приоритетной роли в этой целостности отношений сотрудничества, составляющих суть «хозяйства» в собственном значении этого слова [3].

Таким образом, в структуре национальной экономики теоретически правомерно и практически значимо выделить базисный, или *хозяйственный*, уровень, на котором формируется и целенаправленно, сознательно реализуется общехозяйственный интерес. В идеале этот уровень отношений «отвечает», прежде всего, за кооперативные (синергетические) эффекты и долгосрочные изменения в структуре производительных сил, инициируя технико-технологические и организационные инновации и формируя институциональную среду. Конкурентно-рыночный уровень экономической системы несет ответственность за создание системы стимулов, обеспечивающих эффективное использование ресурсов частными хозяйствующими субъектами (коммерческими организациями) и оперативное реагирование производства на изменение текущих потребностей (рыночного спроса) сообщества. Оба уровня образуют противоречивое единство, опосредствуя друг друга, но сохраняя в то же время свою специфику.

Обращаясь к практике рыночных реформ в России, следует констатировать, что они осуществлялись без учета двухуровневой структуры национального хозяйства посредством слепого следования рецепту ортодоксальной рыночной модели – либерализация цен, приватизация госимущества и децентрализация экономики. «Радикальные фундаменталисты, – пишет Л.С. Бляхман, – ратуют за неограниченную свободу “невидимой руки рынка”, отказ от

промышленной политики и государственных инвестиций, поскольку «все равно все разворачивают» [4, с. 93]. В современной экономике с ее постиндустриальными тенденциями преобразования, направленные на одностороннее инициирование конкурентного противостояния индивидов, не только неэффективны в смысле оптимизации соотношения «хозяйства» и «рынка», – они диаметрально противоположны основному вектору социального прогресса и неэффективны «в квадрате». По существу, мероприятия, направленные на создание свободного рынка, привели к деградации пространства сотрудничества и, как следствие, к вырождению конкуренции в противостояние узкогрупповых, корпоративных интересов, имеющих непродуктивную, рентную ориентацию.

Надо признать, что критическое отношение к реформам стало чуть ли не общим местом в научных публикациях, посвященных различным аспектам рыночной трансформации российской экономики. Диапазон мнений весьма широк – от неприятия самой идеи перехода от плановой экономики к рынку до указания на отдельные ошибки и просчеты, не позволившие в полной мере реализовать потенциал свободного рынка.

Однако для выработки и реализации эффективной стратегии развития понимание общего важнее знания частных. Национальное хозяйство может быть капиталистическим или социалистическим, плановым или рыночным, социально или как-то иначе ориентированным, но в любом случае оно должно быть внутренне пропорциональным и способным к генерированию накопления, если это самовоспроизводящийся и развивающийся организм. Данная аксиома не устарела со времен Франсуа Кенэ. Воспроизводственный подход к анализу национальной экономики имеет в этом смысле приоритетное значение, поскольку он наиболее рельефно отражает ее внутренне структурированную хозяйственную целостность. Тем более странно выглядит снижение интереса к этому подходу как со стороны экономической теории, так и хозяйственной практики. Во всяком случае, публикации по воспроизводственной проблематике в последние годы стали достаточно редким явлением.

Между тем ее актуальность подтверждается состоянием фундаментальных воспроизводственных соотношений российской экономики. Как известно, по условиям расширенного воспроизводства продукт первого подразделения должен превышать износ основного капитала первого и второго подразделений, т.е. их разница должна быть положительной. Однако по расчетам, сделанным С. Губановым на основе данных межотраслевого баланса РФ за 1999 г., разница между совокупным выпуском первого подразделения и суммой потребленного основного капитала обоих подразделений имеет отрицательное значение и составляет -12 млрд. руб. При этом выбытие действующего капитала почти в два раза превышало его ввод [5, с. 22]. В течение 1990-х годов произошло более чем десятикратное сокращение выпуска машиностроительной продукции.

Деградация отраслей первого подразделения не могла не отразиться на уровне и динамике производительности общественного труда. Согласно имеющимся расчетам, текущий общероссийский показатель ВВП в расчете на 1 отработанный час рабочего времени в 2004 г. составил 8,24 % уровня США против 62-63 % в середине 1970-х гг. [7, с. 17]. Уменьшение *темпов роста* производительности труда отмечалось еще в советской экономике в 70-80-е гг. Однако снижение его *абсолютного уровня* приходится на 90-е годы. Величина среднегодового падения производительности труда в РФ за этот период составила 3,9 % [6, с. 23]. Косвенным подтверждением сохранения этой тенденции в 2000-е годы является официально признанный факт опережающего (инфляционного) роста заработной платы по сравнению с динамикой производительности труда. Но констатируя этот факт, не следует забывать об отрицательной динамике производительности труда в пореформенной экономике РФ. А значит, даже гипотетически неизменный уровень заработной платы входит в противоречие с законом опережающего роста производительности труда. Поэтому причины инфляции следует искать не в чрезмерном росте зарплаты, которая в расчете на единицу производимой продукции трехкратно занижена по сравнению с европейским уровнем [7, с. 13], а в нарушении фунда-

ментальных натурально-стоимостных пропорций воспроизводства.

Конкурентно-рыночный механизм как таковой не в состоянии исправить воспроизводственные диспропорции. Напротив, он лишь усиливает их, поскольку ответственными за нарушение пропорций оказываются, как правило, отрасли, малопривлекательные для частных инвесторов. Капитал предпочитает высоколиквидные и наиболее рентабельные вложения с гарантированным сбытом. Поэтому машиностроение в России получает всего 7 % валовых инвестиций, а самыми прибыльными и инвестиционно-привлекательными являются добыча полезных ископаемых, финансовая деятельность и торговля. Следовательно, далеко не всегда и не всякая инвестиционная активность генерирует чистое накопление и рост производственного потенциала общества. В основе такого развития лежат не конъюнктурные вложения, ориентированные на текущую рентабельность, но, в широком смысле, непрерывно продуцируемый кооперативный эффект в масштабах национальной экономики как хозяйственной целостности.

При всем различии в конкретно-исторических условиях, решаемых задачах и глубине экономических реформ в разных странах они всегда явно или неявно подразумевают общий знаменатель – поиск институционально-правовых и иных механизмов повышения инновационно-экономической активности хозяйствующих субъектов. При этом акценты реформ с разной степенью отчетливости и предпочтений распределяются между конкурентно-индивидуалистическим и кооперативным типами экономического пове-

дения. Иначе говоря, основным содержанием реформ является достижение нового гармонического сочетания двух уровней национальной экономики – хозяйственного и конкурентно-рыночного. Российское государство располагает возможностями и инструментами, необходимыми для решения этой стратегической задачи.

Литература:

1. Смирнов И.К. Теории экономической жизни // Экономическая теория на пороге XXI века. – М.: Юристъ, 1998.
2. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). Ч.1. – М.: Политиздат, 1980.
3. Ведин Н.В. Экономическая неоднородность обмена в хозяйственной эволюции общества. – СПб.: Изд-во НПК «РОСТ», 2006.
4. Бляхман Л.С. Конкурентоспособность фирмы в глобальной контрактной экономике // Проблемы современной экономики. – 2006. – № 3-4. – С. 93-102.
5. Губанов С. Системные условия развития // Экономист. – 2005. – №2. – С.22-31.
6. Оболенский В. Глобализация мировой экономики и Россия // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 3. – С. 23-33.
7. Глазьев С.Ю. От стабилизации – к развитию? О прогнозе социально-экономического развития и проекта федерального бюджета России на 2008-2010 годы // Вопросы новой экономики. – 2007. – №2. – С.13-22.

Non-competitive Basis of Economic Life of Society and Market-Oriented Reform of the Russian Federation

N. Vedin

Kazan State Technical University named after A.N. Tupolev

The article criticizes the competitive world image, justifies double-level structure of national economics, including business basis and competitive market relations. Fundamental inefficiency of market-oriented reform strategy is revealed in the context of heterogeneity of national economics.

Key words: theory of commercial unit, competition, cooperation, market-oriented reforms in the Russian Federation.